С. В. Алпатов, С. М. Шамин

ЭЛОГИУМ МИТАВСКИХ ИЕЗУИТОВ В ДОКУМЕНТАХ ВЕЛИКОГО ПОСОЛЬСТВА 1697 г. 1

Великое посольство Петра I имеет обширную библиографию. Несмотря на это, многие его эпизоды остаются неисследованными. В числе «темных пятен» — чествование руководителей дипломатической миссии в разных странах по пути следования. А. Г. Гуськову удалось выявить большую серию оригиналов (рукописных и печатных) и переводов подобных текстов [Гуськов, с. 240, 283, 284, 287, 290, 313, 317, 319, 334], однако лишь некоторые из них становились предметом систематического анализа. Данное исследование касается небольшого периода в самом начале путешествия — пребывания послов в столице курляндского герцогства Митаве. В центре нашего внимания находится уникальный литературный памятник конца XVII столетия элогиум, которым митавские иезуиты напутствовали Великое посольство при его отъезде. Текст представляет большой интерес как для историков, так и для литературоведов. С исторической точки зрения памятник интересен тем, что «у врат Европы» Петра I публично приветствовали как великого европейского монарха, который в будущем может стать ровней императору Священной Римской империи. Любопытен и сам факт встречи участников посольства с иезуитами, который до сих пор остается вне поля зрения специалистов². Следует отметить высокие литературные достоинства произведения. Еще более интересно то, что мы располагаем не только латинским оригиналом и синхронным ему русским переводом, но и вторым переводом, выполненным позже и независимо от первого для Боярской Думы (первый далее именуется ф. 32, а второй ф. 155). Это позволяет глубже проанализировать работу переводчиков из окружения Петра I и лучше понять перемены, происходившие в русской литературе того времени.

История памятника

Русские дипломаты прибыли в Митаву 14 апреля 1697 г. В статейном списке Великого посольства сообщается, что 15 апреля гостей из Москвы посетил курляндский канцлер, поздравил их от имени герцога с приездом и остался на обед. Далее говорится, что «за столом подали великим и полномочным послом курлянского князя служители листы, печатные на цесарском, и греческом, и латинском языках, напечатан въезд их великих и полномочных послов с похвалою в Митаву»³. К 21 апреля относится вторая запись о «печатных листах»: «Того ж числа поданы великим и полномочным послом печатные листы с похвалою, которые выдали езувиты»⁴.

Уточнить сведения статейного списка можно, опираясь на материалы приходо-расходной книги посольства. В записи от 22 апреля отмечено: «В Митаве ж езувитом, которые чрез служителей княжих подали великим послом печатные листы, дано 12 золотых». Ниже следует еще одна запись: «На съезде из Митавы княжим трубачам дано 25 золотых да езувитам за печатные вирши на отласе, которые они подали великим послом, 10 золотых»⁵. Отсюда можно сделать вывод, что «печатные листы» в Курляндии вручались послам дважды: 15 апреля иезуиты

 $^{^1}$ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14-04-00128) и Riksbankens jubileumsfond (проект RFP12-0055:1).

² К примеру, американский историк Дэниел Л. Шлафли-младший (Daniel L. Schlafly Jr.), касаясь темы общения Петра I с иезуитами во время Великого посольства, о данном эпизоде не упоминает [Шлафли-младший, с. 143].

³ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. VIII. Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею. С 1695 по 1699 год. СПб., 1867. Стб. 777.

⁴ Там же Стб. 783

 $^{^5}$ Лефорт Φ . Сборник материалов и документов / Отв. ред. Е. Е. Лыкова, сост. Т. А. Лаптева, Т. Б. Соловьева. М., 2006. С. 369.

подали стихотворения через герцогских служителей, а 21 апреля, за день до отъезда из Митавы, уже непосредственно от имени ордена.

До наших дней сохранились оба издания и их переводы на русский язык. Первое стихотворение имеет небольшой объем (до 3000 знаков в русском переводе)⁶. Оно составлено на трех языках. Около половины текста заняло перечисление титулов царя и послов на немецком языке. Далее шло небольшое (9 стихотворных строк) обращение к Петру, написанное параллельно на латинском и греческом языках. В нем адресат прославлялся как покоритель Азова и известный в Европе и Азии правитель, которому предстояло захватить Татарию, Константинополь и стать цесарем. Далее немецкий текст в 17 стихотворных строк приветствовал собственно послов — очи и руки государя.

Для нашей темы важно, что в этом тексте указан его автор Христиан Борнманн, «цесарский коронованный стихотворец и школьный управитель в Митаве» (Christiano Bornmann, kaiserlich gekrönte Poetund rectore in Mitau). Личность этого человека представляет безусловный интерес. Борнманн родился 1 июня 1639 г. в местечке Брена неподалеку от Галле, учился в школе небольшого городка Делич, затем в Виттенберге и Лейпциге — одном из важнейших университетских центров Германии. Кроме родного немецкого Борнманн писал на французском, латинском. В меньшей степени он знал греческий. Хорошее образование позволило ему сделать карьеру в Курляндии. С 1682 г. он занимал в Митаве должность придворного библиотекаря и поэта. В 1685 г. Борнманн женился на вдове конректора митавской школы Шенка и занял его место. Борнманн оставил значительное творческое наследие. За период между 1682 и 1712 г. им создано 39 стихотворений «на случай», большие поэмы «Мітац» и «Der leidende Jesus», а также множество латинских эпиграмм [Denffer, s. 11—34].

Поскольку инициированное иезуитами стихотворение от 15 апреля подписано Борнманном, можно предположить, что публикуемое нами произведение, представленное от имени иезуитов 21 апреля, также составлено им. Политическое содержание второго текста в целом схоже с тем, что мы видели в первом. Разве что мысль о близости России с западным миром представлена здесь ярче.

Жанровые особенности оригинала

Публикуемый нами литературный памятник принадлежит к числу произведений столь любимого иезуитами стиля барокко. Барочный характер отдельных панегириков, написанных европейскими авторами в честь Петра I, уже отмечался в научных работах. К примеру, английский исследователь Э. Кросс охарактеризовал сложенную в честь Петра I во время его пребывания в Англии поэму М. Стрингера следующим образом: «В окружении барочной риторики и метеорологических завихрений поэма превозносит Петра и герцога Нассау (имеется в виду король Англии. — С. А., С. Ш.)» [Кросс, с. 51]. М. П. Чигринский рассматривал в качестве явления культуры барокко написанные в честь Петра I в Дубровнике панегирические произведения И. Градичи и С. Русича [Чигринский]. О принадлежности памятника к традиции барокко однозначно свидетельствует сам жанр изучаемого текста, который в латинском оригинале определен как elogium. Польская исследовательница Б. Отвиновская, суммируя сведения теоретических трактатов XVII в. по поэтике жанра, указывает, что это «неметрическое поэтическое произведение» (libera poesis), строки которого расположены «наподобие стихов» (ad instar versus), однако «стихи» эти могут быть разной длины в зависимости от требований смысла [Otwinowska]. Анализируемое нами произведение соединяет черты трех разновидностей жанра: это произведение панегирического типа с выраженными элементами элогиума исторического и религиозного.

⁶ Оригинал: РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 30. 1697 г. Л. 1—2. Перевод: Там же. Л. 3—5.

«Краткий и острый стиль» (stylos acutos vel argutos et concisus) элогиума непосредственно включает данную литературную форму в барочную традицию сочинений «на случай»: надписей, эмблем, сентенций, анаграмм [Сазонова, 2006, с. 345—362].

Основное требование теоретических поэтик к элогиуму — изобилие консептов (не менее одного на каждые три стиха), при этом последующий консепт должен вытекать из предыдущего. Главные концептуальные ряды разбираемого нами сочинения строятся на базовой оппозиции дневного и ночного светил. Луна эмблематически соотнесена с Оттоманской империей. Символика же солнца устроена гораздо сложнее⁷. Идея правителя-центра Вселенной, конструируемая на основе цитаты из Плутарха («Sicut DEU Sin Coelo Sui simulacrum constituitsolem; sic in Republica PRINCIPEM...»), развертываемая через образ императора Священной Римской империи Леопольда и окружающих его созвездий имперских князей («Serenissimorum Principum Colligatorum Lustrans Zodiacum»), получает свое панегирическое завершение в титульном именовании Петра I: «Sol occiduus semper extra occasum Orientali Othomannorum Lunae Eclipsim ассегsens. Idest serenissimus, invictis simus ac potentissimus Petrus Alexiewicz» / «Западное солнце всегда внъ запада восточной оттоманской лунъ затмъние призывающее. Сиръчь пресветлъший непобъдимъший и державнъйший Петр Алексъевич» (ф. 32).

Антитеза луны и солнца конкретизируется в теме лунного затмения: «Ditis Dea Proserpina sive Luna, Sol Hic Noster Coelestium Princeps siderum Sic tellure mediante, Gravem patitur illa cataclysmum». Характерно, что заглавие анализируемого элогиума «Sol occiduus semper extra occasum Orientali Othom annorum Lunae Eclipsim accersens» прямо соотносится с традицией эмблематических подписей 1680—1690-х годов: «Sol Oriente Luna occidit. Alcoran Eclips in patitur dum cornua perdit. Occidit occisis sic canibus que Budæ»⁸.

Еще одна символическая оппозиция элогиума солнцеvs утренняя звезда — Денница, низверженный противник Бога. Кроме того, ключевое противопоставление света и тени находит воплощение в образах сияющей во мраке молнии, воинских огней среди дыма, а также северного ветра, вздымающего прах степных курганов 9 .

Едва ли не самый яркий консепт элогиума построен на обыгрывании одного из ключевых евангельских топосов (Мф16:18):

«Constantiae Magistro PETRO sive Petra: Cui ne Othomannica ab inferis praevaleret Porta» «или самим постоянства учителем Петром / или камнем, / которого оттоманские врата адские не преодолъли».

Вместе с тем многие консепты элогиума строятся на двойной игре, когда известные христианские топосы непосредственно соотносятся с античными литературными контекстами. Так, формула «Est hic DEUS etiam in nobis» («Есть эдъсь Бог таже в нас») отсылает одновременно и к библейской формуле «с нами Бог» (Рим8:31; Пс45: 8—12; Суд6:13; Ис 8:10), и к овидиевской: «Ést deus ín nobís» («Наука любви», III, 549; «Фасты», VI, 5).

Та же двойственность характеризует употребление авторами элогиума имен античных божеств: это и условные эмблемы (Марс — воинская доблесть, Юпитер — власть, Просерпина

⁹ Ср. оксюморонный образ «северного пламени» в дубровницких одах Петру [Чигринский, с. 223].

⁷ О солярной символике барочных панегириков см.: [Сазонова, 1991, с. 142—145].

⁸ Speculum Astrologico- Historico- Physico- Geographico- Ethico- Politico- oeconomico- Brandenburgico, Heroicum. [Halle, Saale]: Stanno Salfeldiano, 1686. S. 3.

— призрачная мертвая сила), и одновременно индексы реальных политических персон: «divisum Imperium cum Jove Caesar habebis, Nostro inquam Augustissimo Imperatore LEOPOLDO» 10. Неслучайно и переводчики колебались между буквальным литературным переводом и передачей актуального религиозно-политического смысла:

«РаздЪляемое $\Gamma(o)c(y)$ д(a)рство E(o)гом, цесарь возимаши, / с E(a)шим, реку, преславным цесарем / E(a) Леополдусом» (ф. 32);

«Розделеное государство с Ыовишом, кесарь, имети будешь. // Сиречь с нашим умножителнеишим императором Леополдусом» (ф. 155).

Заданная образами олимпийской мифологии тема Востока интенсивно поддерживается в рассматриваемом панегирике историческими сравнениями (Петр — Александр Великий)¹¹, ономастикой (Астиаг, Бистон, Фракия, геты) и реалиями (взятие Азова в 1696 г.). Существенно, что программа восточной политики Петра, намеченная в западноевропейских панегириках периода Великого посольства, предвосхищает отечественные поэтические программы действий русского государства на Востоке, выраженные в одах Ломоносова, Петрова и Державина (см. подробнее: [Николаев Н. И., Николаев С. И., с. 261]).

Общей концептуальной логике панегирика подчиняются и частные поэтические приемы. Это, во-первых, цитаты из Плутарха (см. выше), Вергилия «Сиі tempor acircum Aura tibis sex radii fulgentia cingunt Solis Avi specimen» (Энеида, 12.161—163), а также популярные афоризмы: «exungue Leonem» («Аще ли из нохтя лва и утренницы вторые часы всего дня доразумевается»). Во-вторых, это усиленные аллитерацией (Occidentiaccendit) словесные каламбуры: «Sol occiduus semper extra occasum» («солнце западное всегда без заката»). В-третьих, это латинские и славянские анаграммы-этимологии:

«DOMINUM FRANCISCUM JACOBLEWICZ Le FORT Id est Floret anagr: Floret hic re & Nomine Flor», «яснеишии Прокофеи Богданович Возницын / / истинно от Бога дан» (ф. 155).

Русский перевод

Элогиум сохранился в двух переводах. Один из них сделан непосредственно в Великом посольстве, вероятнее всего, вскоре после вручения (ф. 32, публикуется ниже), а второй, не зависимый от первого — в Москве в Посольском приказе почти год спустя (ф. 155). Московский перевод оказался в сводке курантов от 28 марта 1698 г. 12 Переводы по своей стилистике существенно отличаются друг от друга. Автора московского перевода на данном этапе исследования указать сложно из-за отсутствия специальных работ по истории Посольского приказа в этот период. О переводчиках латинского языка в составе Великого посольства можно говорить более определенно. Ю. К. Воробьев отмечал: «Характерно, что все три официальных переводчика, сопровождавшие Великое посольство (Григорий Островский, Петр Вульф и Петр Шафиров), знали латынь» [Воробьев, с. 33]. Следует, однако, уточнить, что официально из Посольского приказа к Великому посольству в качестве переводчиков прикомандировали Вульфа и Шафирова, а Островский входил в число дворян свиты Лефорта 13. Шафиров же числился переводчиком с немецкого и голландского языков [Серов, с. 108]. Сам Вульф не только работал в Посольском приказе переводчиком с латинского, немецкого и голландского языков, но и переводил на русский

 $^{^{13}}$ Лефорт Φ . Сборник материалов и документов. С. 338.

¹⁰ Ср. именование Петра I в панегирике Борнманна «Юпитер ис севера»; см. также сравнение Петра с Ясоном и Ахиллом в стихотворении Синибальди [Николаев Н. И., Николаев С. И., с. 259].

 $^{^{11}}$ Тот же ряд сравнений Π етр — Цезарь, Π етр — Александр находим в дубровницких одах [Чигринский, с. 230].

¹² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 17. Ч. 1. 1698 г. Л. 184—194. Публикацию см.: [Шамин].

язык книги с немецкого и латыни¹⁴. Таким образом, наиболее вероятным автором перевода следует считать Вульфа. К сожалению, несмотря на то что Вульф был заметной персоной в российском дипломатическом ведомстве, его биография до настоящего времени не изучена.

Особого внимания заслуживает вопрос о том, как повлиял на успешность передачи содержания латинского оригинала выбор «языка перевода» Вульфом (ф. 32) и московскими сотрудниками Посольского приказа (ф. 155). В языковой практике петровской эпохи последовательно утверждалась оппозиция между языковыми элементами, конституирующими старый «книжный» и новый «гражданский» язык¹⁵. В языке двух переводов латинского элогиума подобное противопоставление хорошо просматривается уже на уровне лексических и лексикоморфологических вариантов, избранных переводчиками ф. 32 / ф. 155:

```
всем себя оказует / всем явился
пространную круга тягот изясняют / очищают густую света тягость
позлащенные лучи препоясуют / позлоченые лучи обнимают
довлеет / довольно будет
памятуй / помни
ослепил и охранил / затемнил и удержал
прознаменил / означит
сияние солнце имеет но не без сени / ясность солнце имеет, но не без тени
в вечные нощи обвил недругов хвалу / вовеки обнял ночи неприятелеи славу
помрачает и одымляет / затемняет и закуряет
засвещает / зажигает
страждет / терпит
оскудела / убыла
горй / в вышину
врата адские / от ада ворота<sup>16</sup>.
Сходное распределение наблюдается в употреблении сложных слов:
богосмотренный / приговор божий
победоносные / торжествительные
заплачет о своем злосчастии / да плачет в винах своих щастия<sup>17</sup>.
```

В переводе ф. 32 отмечен единственный пример аориста: «вне отеческия земли краснее <u>прозябе</u>»; при парной л-форме в переводе ф. 155: «за очизною красне <u>зеленился</u>».

Перевод ф. 32 отличает также употребление «книжного» инфинитива на -ти, которому соответствует «простой» инфинитив на -ть¹⁸ в переводе ф. 155: «засветити», «победити», «опасатися», «умножити», «рещи» / «брать», «осыпать», «побеждать».

Аналогичным образом распределяются «книжная» форма 2 л. ед. числа презенса на -ши ϕ . 32 vs «простая» форма на -шь¹⁹ ϕ . 155: «возможеши», «увидеши», «будеши» / «возможеш», «научишся», «услышиш», «впадеш» 20 .

¹⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1705 г. Д. 8. Л. 1.

^{15 «}Утверждение этой оппозиции проявляется в отборе языковых элементов. Этот отбор осуществлялся как устранение тех элементов, которые специальным образом ассоциировались с традиционным книжным языком. К их числу относились прежде всего такие морфологические элементы, как формы имперфекта, аориста, перфекта со связкой, двойственного числа, согласованные причастия в деепричастной функции» [Живов, 2004, с. 541]. См. подробнее: [Живов, 1996, с. 98—110].

Полногласная форма, разрушающая аллюзию к евангельскому «врата адовы» (Мф 16:18).

¹⁷ Единожды фиксируется обратное отношение: «бистона стопою спесиваго» (ф. 32) / «Бистона спесивоногаго» (ф.155).

См. подробнее раздел «Формы инфинитива в языковой практике Петровской эпохи» [Живов, 2004,

с. 184—197].

19 См. подробнее раздел «Формы 2 лица ед. презенса в языковой практике XVIII века» [Живов, 2004, с. 249—254].

²⁰ Однако отмечены и несимметричные контексты «простых» форм в ф. 32 и «книжных» в ф. 155: «засвещае**шь**»/

[«]зажигаеши»; «возимаеши» / «имети будешь»; «посылаеши»/ «предпосылаеши»; «ругаешися»/ «смеешися».

Наконец, перевод ф. 32 характеризует употребление «книжного» перфекта со связкой (ф. 32 / ф. 155):

который великий <u>представил есть</u> Петр / чево повелел великий Петр себе <u>пожал есть</u> венцы / себе ваи нарезал древле оное <u>подтвердил есть</u> Бог / давно сила божия словом укрепила дабы мы <u>изобретали есмы</u> / дабы мы взыскали или изобрели²¹.

Как видим, распределение грамматических средств, маркирующих «книжный» и «гражданский» регистры языка перевода, не является достаточно однозначным ни для одного из переводов. Несомненно, что регистры «простое русское слово» и «глубокословная славенщизна», декларируемые на уровне официальной культурной политики как взаимоисключающие²², в реальной практике переводов первой половины XVIII в. оставались конкурирующими дискурсами, обладавшими собственными стилевыми преимуществами (см. подробнее: [Николаев, 1981, с. 218]).

Вместе с тем можно отметить отчетливую интенцию к более регулярному использованию стилевых средств «книжного» регистра переводчиком Великого посольства (ф. 32) и склонность московских сотрудников Посольского приказа (ф. 155) к употреблению немаркированных («простых») форм русского литературного языка петровского времени.

В отношении к передаче особенностей формы и содержания оригинала это дало двоякий эффект. Сохраняющий по возможности грамматический строй латинского оригинала, перевод ф. 32 оказывается содержательно точнее и поэтически совершеннее, хотя и сложнее для читательского восприятия. Тогда как перевод ф. 155 приобретает известную читательскую «беглость» и «легкость» в ущерб не только красотам латинской риторической конструкции, но нередко и прямому смыслу высказывания.

Справедливости ради отметим, что концептуальная игра смыслов латинского оригинала нередко потеряна и в том, и в другом переводе. Так, строки «Sic fatalis dies Cinerum, <u>Longo</u> tibi <u>praebit</u> <u>jejunio</u>» в обоих вариантах переведены конструкцией с аблативом (творительным падежом):

Так богосмотренный день пепелов долгим теб претваряет постом (ф. 32);

Так приговор божии день пепел долгим постом тебя предоидет (ф. 155).

Однако глаголы с приставкой ргае- управляют дательным падежом: «пепельный день готовит тебя к долгому посту». Иезуиты—авторы элогиума, несомненно, ассоциировали Пепельную среду (diesCinerum — время начала Великого Поста для католиков) с фактом отправки Великого посольства в Европу в марте 1697 г., видя в этом знамение религиозно-политического единства христиан и пророчество изнурительного оскудения (jejunio) турок. Для переводчиков же данная ассоциация не сработала.

Наконец, метрическая константа латинского оригинала стилистически коррелирует с использованием строк разной длины, что в сочетании с употреблением различных шрифтов создает интонационную схему для декламации похвального слова(ср.: [Николаев, 1981, с. 217]). Однако при переводе эти значимые эстетические элементы элогиальной формы в значительной мере были утрачены. От оформления сохранилось очень немногое. Цитата Плутарха выделена рамкой в латинском тексте, аналогичное выделение мы находим и в ф. 32. Из многочисленных шрифтовых выделений оригинала в русском переводе ярче всего коррелируют выделенные более крупной скорописью и находящиеся рядом слова ЗАПАДНОЕ СОЛНЦЕ и ПЕТР АЛЕКСъЕВИЧ. Эта игра размером надписи подчеркивает основную идею панегирика. В других случаях русский переписчик выделил более крупным шрифтом имена Петра и Леопольда, а также подзаголовки

 $^{^{22}}$ «Новый литературный язык, создававшийся в соответствии с петровской культурной политикой, должен был противостоять традиционному как понятный непонятному» [Живов, 1996, с. 143].

²¹ Вкрапления «книжного» перфекта со связкой фиксируются и в переводе ф. 155: «иже восток <u>искал еси</u> в западе»; «зело <u>обънял еси</u> темнотою утренницу»; «железом бога <u>еси удоволствовал»</u>; «елико <u>отнял еси</u>».

внутри произведения. Возможно, в черновике перевода игра шрифтами использовалась более широко. К примеру, в завершающей части стихотворения явно более крупными буквами выделено слово ЦВЕТ. Вокруг которого выстраивалось прославление первого посла — Ф. Лефорта. Однако пары к этому выделению переписчик не сделал. Быть может, здесь сработала внутренняя цензура, поскольку первый посол оказался бы наравне с царем и императором.

Не хватило специалистам Посольского приказа и общего запаса знаний об античной культуре. Работавший в Москве переводчик полностью исключил информацию оригинала об античных источниках цитирования. Переводчик, сопровождавший Великое посольство, справился с отсылкой к Плутарху, но упоминание о Вергилии, цитата из которого отсылала к Латину, давшему имя племени латинян, Вульф опустил.

Перевод элогиума в контексте русской поэзии конца XVII в.

Жанровое определение латинского оригинала как элогиума, переданное переводчиками как похвала, ставит вопрос о месте публикуемого памятника среди отечественных произведений барочной поэзии. Наиболее яркие образцы русских панегириков XVII в. мы находим в придворной поэзии Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева и Кариона Истомина, где изощренная поэтическая техника успешно служит целям создания похвальных стихов на случай [Сазонова, 1991, с. 122—160]. При этом часть исследователей рассматривает отечественные панегирики XVII в. как аналог ученой ренессансной поэзии [Лихачев, с. 155—202], другие же видят в них прообразы русской оды XVIII столетия [Богданов, с. 3—30].

Элогиум Христиана Борнманна, безусловно, реализует поэтический канон придворного панегирика и в высокой степени насыщен характерными признаками элогиарного стиля. Трудно представить себе, что переводчики Посольского приказа не знали русской придворной поэзии и не чувствовали ее жанрового и стилевого сходства с переводимым сочинением. Вместе с тем повседневной практике сотрудников Посольского приказа «рафинированные» стилевые регистры были не свойственны. Если «книжные» формы использовались в дипломатической документации людьми, не прошедшими приказную школу, то их стремились исправить. К примеру, в черновике посольский книги стольника В. М. Тяпкина (1677 г.) фраза «чтоб ему гетману не име за зле» исправлена на «чтоб ему гетману не было за зле», а «еже и Ваша гетманская честность» на «где и Ваша гетманская честность» за зле».

Переводчики элогиума оказались зажаты между литературно-поэтической и приказной традициями. Решая эту проблему, работавшие в дипломатическом ведомстве специалисты могли подходить к переводу одного и того же памятника с разных риторических и литературнохудожественных позиций. Различия в их подходах нельзя описать в рамках борьбы отжившего и прогрессивного. Скорее речь идет о поисках нового стиля, который отражал бы потребности эпохи. Здесь наши наблюдения поддерживают выводы С. И. Николаева о том, что петровская эпоха — это не время «остановки» литературы, а период кропотливой работы и экспериментов, в ходе которых создавался «литературный механизм русской литературы нового времени» [Николаев, 1996, с. 7—10]. Существенно, что при этом средства церковнославянского языка могли успешно использоваться для передачи барочных черт переводимого памятника, тогда как при использовании переводчиком «простого русского слова» барочные приемы и скрытые за ними смыслы становились для отечественного читателя менее очевидными. Увы, даже лучшие из находившихся в распоряжении Петра I переводчиков оказались не в состоянии в полной мере отразить литературные достоинства оригинала при переводе такой сложной формы поэзии барокко, как элогиум.

²³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 161. Л. 476об., 477.

SOF OCCIDENCS

AND TONION TONION TO THE POST OF THE POST

Semper extra Occafum

Orientali Othomannorum Lunæ Eclypfim accerfens,

SERENISSIMUS, INVICTISSIMUS ac POTENTISSIMUS Idelt

staros Jaros Javias, Bielozerovias, Obdonias, Kondinias, & totius Partis Septentrionalis DOMINATOR, nec non DOMINUS regionis Ive-CZAR Kafani, CZAR Altrakani, CZAR Siveria, DOMINUS in Pleskovia, & MAGNUS DUX Smolensci, Tweria, Jugoria, Permia, Wiarkz, Bulgariz, aliarum ue Provinciarum DOMINUS & MAGNUS DUX Novogrodiz terrz inferioris, Czernichoviz, Refaniz, Ruriensis, Kartaliniæ & Grusiniæ. CZAR terræ Kabordinensis, Cirkassorium & Gorienssum, Principum, aliarumque Orientalium, Occi-Totius Magnx, Parvx, & Albx Russix, Moschux, Kijovix, Władimirix, Novogrodix Majoris MONARCHA, dentalium, & Septentrionalium terrarum Hæreditarius DOMINUS ac SUCCESSOR, Afoviæ adjacentiumque ditionum

CZAREÆ MAJESTATIS Supremum Architelassum, Vices gerentem Novogrodiæ Majoris,

TRIUMPHATOR & DOMINUS,

Illustrissimum & Excellentissimum Dominum,

Dominum Franciscum sakoblewicz Le Fort;

Illustrissimum & Excellentissimum Dominum,

Dominum Theodorum Alexiewicz Hołowin,

CZAREÆ MAJESTATIS, Supremum & Generalem Commisfarium, Locum tenentem in Siveria; Illustrissimum & Extellentissimum Dominum

Dominum Procopium Bogdanovvicz Woznicyna, CZAREÆ MAJESTATIS Supremum regni Cancellarium,

AUGUSTISSIMUM Europzi Poli IMPERATOREM Magnos & Plenipotentiarios Legatos,

Aliorumá; Serenisfimorum Principum Colligatorum Lustrans Zodiacum, à Devotissimis verò CZAREÆ MAJESTATI, DOMINO, DOMINO NOSTRO CLEMENTISSIMO, nariis Societatis JESU, Mitaviensibus in apprecatione felicis itineris humillim CULTUS demissione

Sicut DEUS in Cælo pulcherrimum ac jucundisssmum Sui simulacrum constituit solem; sic in Republica PRINCIPEM, qui prudentià, justitià, benignitate, se erga omnes repræsentet. Plutarchus in Moral

ලදිසිය ලදිසිය ලදිසිය ලදිසිය ලදිදිය ලදිද

X 2

橴瘶壉壉壉壉壉壉壉壉壉壉壉壉壉壉壉壉壉壉壉壉壉壉壉壉壉壉壉壉壉壉壉壉

ПУБЛИКАЦИЯ

При публикации русского перевода выносные буквы вносятся в строку курсивом, сокращения раскрываются в скобках. Вышедшие из употребления буквы кириллического алфавита (за исключением «Ъ») не сохраняются. Буква «ъ» в конце слова не воспроизводится. Пунктуация и деление на абзацы современные. Деление на строки передается знаком /.

Латинский текст публикуется с сохранением орфографии и пунктуации оригинала за исключением длинной формы буквы s, похожей на f. Опечатки помечены [sic!]. Буквы с диакритиками (в, и, й, т) передаются согласно оригиналу. Выделение разными шрифтами воспроизводит печатный оригинал. Разбиение на строки соответствует оригинальному делению латинского текста на стихи разной длины.

РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 30. 1697 г. Л. 30об.—33.

Sol occiduus

semper extra occasum

Orientali Othomannorum Lunae Eclipsim accersens, Idest serenissimus, invictissimus ac potentissimus Petrus Alexiewicz

Totius Magnae, Parvae, & Albae Russiae, Moschuae, Kijoviae, Władimiriae, Novogrodiae Majoris MONARCHA, CZAR Kasani, CZAR Astrkani, CZAR Siveria, DOMINUS in Pleskovia, & MAGNUS DUX Smolensci, Tweriae, Jugoriae, Permiae, Wiatkae, Bulgariae, aliarumque Provincium DOMINUS & MAGNUS DUX Novogrodiae terrae inferioris, Czernichoviae, Rezaniae, Rustoviae, Jaroslaviae, Bielozeroviae, Obdoniae, Kondiniae, & totius Partis Septentrionalis Dominator, nec non DOMINUS regionis Iveriensis, Kartalinae & Grusiniae. CZAR terrae Kabordinensis, Cirkassorum & Goriensium Principum, aliarumque Orientalium, Occidentalium, & Septentrionalium terrarum Haereditarius DOMINUS ac SUCCESSOR, Asoviae adjacentiumque ditionum TRIUMPHATOR & DOMINUS,

CZAREAE MAJESTATIS Supremum Architalassum, Vices gerentem Novogrodiae Majoris, Illustrissimum & Excellentissimum Dominum,

DOMINUM Franciscum Jakoblewicz Le Fort;

Illustrissimum & Excellentissimum Dominum,

DOMINUM Theodorum Alexiewicz Hołowin,

CZAREAE MAJESTATIS Supremum & Generalem Comissarium, Locum tenentem in Siveria; Illustrissimum & Excellentissimum Dominum,

DOMINUM Procopium Bogdanovvicz Woznicyna,

CZAREAE MAJESTATIS Supremum regni Cancellarium,

Magnos & Plenipotentarios Legatos,

AUGUSTISSIMUM Europaei Poli IMPERATOREM LEOPOLDUM,

aliorumq; Serenissimorum Principum Colligatorum

Lustrans Zodiacum, Devotissimis verò CZAREAE MAJESTATI, DOMINO, DOMINO NOSTRO

CLEMENTISSIMO, Missionariis Societis JESU, Mitaviensibus in apprecatione felicis itineris humillima CULTUS demissione.

Sicut DEUS in Coelo pulcherrimum ac jucundissimum Sui simulacrum constituit solem; sic in Republica PRINCIPEM, qui prudentiâ, justitiâ, benignitate, se erga omnes repraesentet. Plutarchus in Moral²⁴.

²⁴ Фрагмент со слов Sicut DEUS in Coelo до слов Plutarchus in Moral выделен орнаментом.

ELOGIUM:

Commune quidpiam Principes cum Sole habent; Iisdem radiis, quibus vastam illustrant orbis molem,

Fatalia è Solio Ceu è Polo,

Fulminum excutiunt tela;

Ut ereptam mundo iterum restituant Serenitatem:

Quam intempesta forte nocte nocturnum quoddam

praevenerat Sidus.

Est hic DEUS etiam in nobis,

Serenissimus Moschoviae Czar

PETRUS:

Cui tempora circum

Aurati bis sex radii fulgentia cingunt

Solis Avi specimen. Virgil

Exorere itaq; si potes Threijcia Luna:

Prodromos accendit

Frigidus licet septemtrio ignes in suo Phoebo,

Non alios tamen,

Quàm quibus tuum solum convertat in Bustum;

Ut in Virales auras

E tristi hostium Europaeus assurgat Orbis Sarcophago:

Ex quo tantum tibi sumere consessum

Est cinerum Geta;

Quantum vel ad aeterna nomen oblivione in cinerandum sufficit,

Vel ad perpetuam satis est paenitentiam.

His caput conspergito tuum,

Teq; pulverem esse memento,

A facie septemtrionalis dispergendum Venti.

Sic fatalis dies Cinerum,

Longo tibi praebit jejunio;

Quod MAGNUS imposuit PETRUS.

Disces abstitenant ab innocuo Christianorum sanguine,

Vel truncatis cervibus;

De quibus domitor Victoris gladius,

Triumphales sibi messuit Laurus:

Ut Odrisiae illis inumbraret Cynthiae fulgorem;

Europaeum â fatali fulminum servaret Orbem ictu.

Lucem quoque hic SOL habet,

Sed non sine Umbra:

Ut aeternae involvat nocti hostium gloriam,

Orthodoxo signet mundo secundam semper horam.

In Oriente etiam occasnm [sic!] senties,

Qui ortum quaerebas in occasu.

Breve noctis sidus,

Brevius nunquam futurum;

Quam cum Victor Serenissimi PETRI praecidit

Cornua mucro.

Adeo atris involvisti Phosporum tenebris: Ut ipsum ad Martios Serenissimi Monarchae caecutias ignes.

Quibus cum barbaris obfuscat infumatq; gentes, Clarum faustumq; Occidenti accendit diem.

Nequemirum!

Ditis Dea Proserpina sive Luna,

Sol Hic Noster Coelestium Princeps siderum

Sic tellure mediante,

Gravem patitur illa cataclysmum.

Disce sed tandem constantiam

Inconstans Leveque Astrum,

Vel ipso Constantiae Magistro PETRO sive Petra:

Cui ne Othomannica ab inferis praevaleret Porta,

Pridem suo eam firmavit NumenVerbo.

Alienam natus eripere Libertatem,

Sentit jam grave servitutis jugum Asovia caeterisque

Ditionibus sibi ereptis,

De ipsa etiam sollicitus Vita:

Quam certe amisisset Victricibus adactus armis

Ut nos invenirimus:

Nisi illam in victimam adhnc [sic!] Magno Czari Nomini servare Numen:

Ne post praecisam uno cervicem ictu

Nostro deesset SOLI hostia,

Quam toties Vindice Magne Litasti Petri ferro;

Quoties hostium fudisti Victor Cruorem,

Ut Christiano illum cum vita infunderes Orbi.

Scande itaque

Magnum Europaei Poli Luminare in altum;

Clarius Orbi è summo honoris apice sparsurus radios.

Per erectos hostium tumulos,

Immensum meritorum emetire Zodiacum.

Protere superbum Bistonum pede fastum,

Et imperiales Orbi attolle fasces.

Quot hostibus ademisti Vitas:

Tot Coronarias Augusto Vertici necte Vittas,

Tuaeque Majestati angustus sit Orbis.

Triumphalia Heroum erige mundo trophaea Thracum Cafu

Qui nunquam utiq; gloriosius cecidissent,

Quam cum ad tuas proruunt Invicte Monarcha plantas.

Puduisset alios non vincere.

A te vinci honestum ducunt:

Ubi Vanas rides illorum sine Viribus iras.

Solus inter Victrices Bellonae ignes

Adeo adultum succendis Orbi diem:

Ut tuae nullam metuas gloriae Umbram.

Tuo intendant Lumini Lucem

Ubicunque SOL oritur:

Occasus nescia Sors ortum auspicetur

Ubisunq; occumbit.

Latè Majesatis diffunde splendorem

Tum in auge futurus Magnitudinis;

Cum altera manu Orientem, altera Occidentem

Complexus, Magno non Minor Alexandro

divisum Imperium cum Jove Caesar habebis,

Nostro inquam Augustissimo Imperatore LEOPOLDO.

Nec ludit vanum spem Votorum omen:

Aureum namque tuae Victoriae nuncium praemittis florem,

Illustrissimum inquam & Excellentissimum,

DOMINUM FRANCISCUM JACOBLEWICZ Le FORT

Id est Floret anagr:

Floret hic re & Nomine Flor, gloria Virtutum vernans

Prudentia ac Sapientia Maturus,

Meritis gravis.

Extra Patriae Solum pulchrius Viruit

(ut florum fert Natura)

Ut jam extra dubium sit illud:

Omne Solum Forti Patriam esse.

In totum ferme Europaeum Orbem Magnus extendit

Legatus Illustrissimi Sui floris folia,

Ut Orientis Astyagis extingvat gloriam:

Soli tamen huic *flori Sol* semper nitet.

Quod si ex ungve Leonem, ex aurora Secundas totius diei conjicitis horas;

Ex aureo hoc flore aureum Ver & Uberem

Victoriarum Autumnum colligite haud dubie.

Nec mirum

Rigavit namq; Threiicius laté diffusus Victore serenissimi Czari gladio Cruor solum:

Ut in foecundam abiret Messem.

Juvat foedus Colligationis

Illustrissimus & Excellentissimus,

DOMINUS FEODOR ALEXIEWICZ HOLOWIN,

Ouo vinctus & victus hostis

Suam in Vinculis defleat fortunam;

Quam nimium superbo reddiderat insolentem fastu.

Illustrissimus Procopius Bogdanowicz WOZNICYNA,

Verè â Deo datus

Prodromus serenissimi Solissui,

Maturo Consilio, Vigili Boni publici cura,

Optatum toti Christianitati pollicetur Diem.

Innumeris ipse dignus annis,

Totaque Legationis Trias,

Superi his pareant Votis.

MYTAVIAE,

Typis Georgii Radetzki Typographi Aulici, 1697.

РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 30. 1697 г. Л. 10-13.

Перевод с латинского печатного листа, каков подали великим / полномочным послом генералу и адмиралу и намъстнику новгородцкому / Францу Яковлевичю Лефорту с товарыщи езувиты на отъзде / их послов из Митавы в н(ы)нешнем сем году апръля в КВ дe(нb).

/ ЗАПАДНОЕ СОЛНЦЕ / всегда внѣ запада / восточной оттоманской лунѣ затмѣние призывающее. / Сирѣчь²⁵ / пресветлѣиший непобѣдимѣиший и державнѣйший / ПЕТР АЛЕКСѣЕВИЧ / всеа Великия Малыя и Бѣлыя Росии, Московский, Киевский, / Владимерский, Новгородцкий монарх²6, ц(а)рь Казанский, ц(а)рь Аст/раханский, ц(а)рь Сибирский, г(о)с(у)д(а)рь Псковский и великий кн(я)зь / Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болар/ский и иных областей г(о)с(у)д(а)рь и великий кн(я)зь. Новагорода / Низовские земли, Черниговский, Резанский, Ростовский, Яро/славский, Бѣлоозерский, Обдорский, Кондинский, и всея Сѣ/верныя страны обладатель, такожде г(о)с(у)д(а)рь Иверския / земли, Карталинския и Грузинския страны. Царь Кабардин/ския земли, черкаских и горских князей и иных восточных, / западных и сѣверных земель дѣдичный г(о)с(у)д(а)рь и наслѣдник, / Азовский и прилѣжащих стран г(о)с(у)д(а)рь, побѣдитель и г(о)с(у)д(а)рь.

/ Чрез / ц(а)рского величества высочайшаго адмирала, намъстника / Новгородцкого, / яснъйшаго и превосходителнъйшаго г(о)с(по)д(и)на, / г(о)с(по)д(и)на Франца Яковлевича Лефорта, / яснъйшаго и превосходителнъйшаго г(о)с(по)д(и)на, / г(о)с(по)д(и)на Феодора Алексъевича Головина, / ц(а)рского величества высочайшаго и генерала комисариуса, / намъстника Сибирского, / яснъйшаго и превосходителнъйшаго г(о)с(по)д(и)на, / г(о)с(по)д(и)на Прокофья Богдановича Возницына, / царского величества высочайшаго канцеляриуса, г(о)с(у)д(а)рства / великих и полномочных послов / пречестнъйшаго еуропского круга цесаря / Λ ЕОПОЛДУСА / и иных пресветлъйших соединенных князей / зодиа²⁷ пресмотрящий.

Om покорнЪйших же ц(а)рскому величеству г(о)с(у)д(а)рю, г(о)с(у)д(а)рю н(а)ш(е)му м(и)л(о)сти/вЪйшему мисионариусов клевретства²⁸ Иис(ус)ова в жела/нии счастливаго путьшествия нижайшею почтения / покорностию.

/ Яко же Б(o)г в h(e)бъ краснъйший и приятнъйший свой образ / поставил c(o)лнце, такожде в ръчи посполитой кh(g)зя, иже / разумом, справедливостию, h(u)лh(o)стию ко всъм себя оказует.

/ \prod лута ρ х в книге своей, гд \bar{b} он о доброд \bar{b} телех д \bar{b} йствует 29 .

/ ПОХВАЛА

/ Нъчто общее кн(я) зи с солнцем имъют. / Тъми же лучами им же пространную круга тягот изясняют. / Смертные из престола аки из н(е)ба / блистаний стрълы збивают. / Дабы свету от огоду паки возвратили, / которую первоспа(се)нием нъкая нощная звъзда едва не предварила.

/ Есть здѣсь Б(о)г таже в нас, / пресветлѣйший московский царь / ПЕТР, / которому окрест скрания сияющих двенатцат позлащенные лучи препоя/суют / с(о)лнца дѣдича доброту или подобие. / Умоли убо аще возможеши трацкая луна. / Зимный сѣвер предходящих огнѣй засвѣтити в своем с(о)лнце. / Не иных однакожде, / кромѣ того, с которыми твою землю

²⁵ На полях помета се есть

²⁶ На полях помета самодержец

²⁷ На полях помета круг небесный

²⁸ *На полях помета* присланных собрания

 $^{^{29}}$ Фрагмент со слов Яко же $\mathrm{E}(\mathrm{o})$ г в н (e) б $\mathrm{\bar{b}}$ до слов о доброд $\mathrm{\bar{b}}$ телех д $\mathrm{\bar{b}}$ йствует выделен орнаментом

превращает в пепел (или гроб) / дабы в жизненной возух / От печалного недругов гроба Европейский свет востал, / из которого тебе гета столко пепелов взять возможно, / елико довлъет ко впепелению имени въчным забвением, / или елико довлъет к присному раскаянию. / Тъми же гл(а) ву посыпли твою зг. / И тебе пепелом быти памятуй, / от севърнаго вътра разсъяемым. / Так богосмотренный день пепелов / долгим тебъ предваряет постом, / который великий представил есть ПЕТР. / Научись воздержанию от невинныя хр(и) стианов / крови / или от отсъченных вый, / из которых укрочающий побъдителя меч / побъдоносныя себе пожал есть вънцы, / дабы одруского кинфа за сияние тъми ослъпил / и европейский свът от падежного грома ударения сохранил. / Такожде и здъсь с(о) лице сияние имъет, / но не без сени, / дабы в въчныя нощи обвил недругов хвалу / православному свъту всегда прознаменил / счастливый час. / И на востокъ запад увидиши, / иже востока искал есина западъ. / Краткая нощи звъзда / кратчей никогда не будеши / кромъ тогда, когда побъждающий меч пресветлъйшаго / ПЕТРА отръзует роги, / так денницу черными обвиял сънми, / дабы его к воинским пресвътлъйшаго монарха / огнем ослъпил, / которыми варварские народы помрачает и одымляет / и западу свътлый и счастливый день засвъщает.

/ И НЕ ДИВНО: / Дитись богина Просерпина или луна, / сие $\mu(a)$ ше $\nu(a)$ под $\mu(e)$ б(e)сных звъзд началник, / так способствующею землею / великое оная постраждет потопление. / Но вконец научись постоянству, / непостоянная и лехка звъзда³⁵, / или самим постоянства учителем Петром / или камнем, / которого оттоманские врата адские не преодолъли, / древле оное подтвердил есть $\nu(a)$ своим словом, / и рожден похищати чуждую волность. / Разумъет уже тяжкое работы иго Азов петеряв³⁶, / иные свои $\nu(a)$ с $\nu(a)$ самой жизни такожде опечелевается, / которую воистину он потерять бы принужден / $\nu(a)$ пим побъдителным оружием, / дабы мы изобрътали есмы, / аще бы оную $\nu(a)$ еще в пожрение великому $\nu(a)$ рекому имени $\nu(a)$ не сохранил, / дабы по отсечению вый единым ударением $\nu(a)$ пожерл еси.

/ Елико крат ты, побъдитель, кровь врагов проливал еси, / дабы хр(и)стианскому свъту оную з жизнию вливал. / Того ради востани / великий европъйскаго круга горъ. / Свътлъе миру из верхняго чести чертога разсъющий лучи. / Чрез воставленных врагов гробов / безмърный услуг зодии измъряй. / Розбивай гордаго бистона стопою спесиваго / и вознеси миру г(о)с(у)д(а)рственные вънцы. / Елико д(у)ш врагов убил еси, / столко коронованных вънцов преславной гл(а)ве / плести. / И твоему величеству мир да будет узок. / Побъдоносные рыцарев вънцы возстави свъту / падением фрацких³⁸ людей, / которые воистинну славнъе никогда не пали, / кромъ того, когда к твоим ногам припадают, непобъ/димый монарх.

/ Стыдно иным было не побъдити, / но от тебя побъждатися славно быть почитают, / когда суетным их гнъвом без сил сущим ругаешися. / Един междо побъдителными воинскими огнями день эъло / торжественный засвъщаешь свъту или миру, / дабы на твою славу никаковой съни не опасатися, / но твоему свъту свът умножити. / С(о)лнце вездъ восходит. / Запада не знающее счастие начало начинает, / вездъ заходит. / Пространно величества сияние разсъявай.

³⁰ Скобки в тексте

³¹ На полях помета народ трацки

 $^{^{32}\,} Ha\,$ полях помета пепелами

 $^{^{33}\,} Ha\,$ полях помета народ турецкий

³⁴ На полях помета турка

 $^{^{35}\,}Ha$ полях помета турок

³⁶ Описка в тексте, должно бытьпотеряв

³⁷ На полях помета жизнь

 $^{^{38}\} Ha\$ полях помета турков

/ Не играет суетное прознание надежды обещанъй / златого, ибо твоея славы вестника наперед ты посылаеши. / ЦВъТ / яснъйшаго, гл(агол)ю, и превосходителнъйшаго / г(о)с(по)д(и)на Франца Яковлевича Лефорта. / се есть цвътет / цвътет сей делом и имянем цвът славою добродътелей прозябающий, / разумом и мудростию спълой, / услугами знатный, / внъ отеческия земли краснъе прозябе / (якоже природа цвътов требует)³⁹ / так, дабы без сумнъния рещи возможно. / Силному / каждая земля кръпкому или храброму / отечествие есть. / Во весь едва европъйский мир не разпространил великий посол / яснъйшаго своего цвъта листвие, / дабы восточного астиага славу отнял. / Но сему единому цвъту с(о)лнце всегда сияет. Яко же показ коктем лва по деннице ж благополучные часы всего дня, / тако и по златому сему цвъту весную и плодоносную побъд / есень без сумнъния признавайте. / Не дивно, / ибо напоила фрацкая пространно пролитая пресвътлъйшим / ц(а)рск(и)м мечем кровь землю, / дабы в плодоносную жатву приходила, / способствует союз соединения.

/ Яснъйший превосходителнъйший / r(o)c(no)g(u)н Феодор Алексъевич Головин, / которым вязан и побъжден недруг. / В своих узах заплачет о своем злосчастии, / которое он себъ зъло гордым надмением причинил / чрезвычайно. / Яснъйший Прокофей Богданович Возницын, / поистинъ B(o)гом даный, / Предходяй пресвътлъйшаго c(o)лнца своего. / Зрелым совътомбодрым добра всенародного тщением по/желанный / всему хр(и)стиянству объщает день. / Безчисленных сам достоин лът. / И вси послы трие / B(o)г да услышит их желание.

Литература

Богданов A. Π . Стих торжества: рождение русской оды, последняя четверть XVII — начало XVIII в. М., 2012.

Воробьев Ю. К. Латинский язык в русской культуре XVII—XVIII веков. Саранск, 1999.

Гуськов А. Г. Великое Посольство Петра І. Источниковедческое исследование. М., 2005.

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.

Живов В. М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII веков, М., 2004.

Кросс Э. Английский Петр: Петр Великий глазами британцев XVII—XX веков. СПб., 2013.

Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. СПб., 1988.

Николаев Н. И., Николаев С. И. Латинское стихотворение 1698 г. в честь Петра I // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского дома. Л., 1985. С. 254—261.

Hиколаев С. И. Элогиум и проповедь (Проблемы изучения перевода «Adverbia moralia» С. Х. Любомирского 1730 г.) // XVIII век. Л., 1981. Сб. 13. С. 218.

Николаев С. И. Литературная культура петровской эпохи. СПб., 1996.

Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко (втор. пол. XVII — нач. XVIII в.). М., 1991.

Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.

Серов Д. О. Администрация Петра I. М., 2007.

Чигринский М. П. К вопросу о русско-дубровницких историко-литературных связях эпохи барокко (Дубровницкие поэты о России и Петре I) // Славянское барокко. М., 1971. С. 219—230.

Шамин С. М. К вопросу о влиянии победы войск Петра I под Азовом (1696 г.) на формирование положительного образа России в Европе. (По материалам курантов) // Очерки феодальной России. М., СПб., 2009. Вып. 13. С. 377—391.

Шлафли-младиий Дэниел. Л. Петр Великий и иезуиты // Петр Великий. М., 2007. С. 137—155. Denffer N. von. Christian Bornmann. Schickzal und Werk eines vergessenen baltischen Dichters // Sitzungsberichte der Kurzemer(Kurländischen) Gesellschaft für Literatur und Kunst und Jahresberichte des Kruzemer (Kurländischen) Provinzialmuseums in Jelgava (Mitau) aus den Jahren 1935/1936. Riga, 1937. S. 11–34.

Otwinowska B. Elogium – «flos floris, anima et essentia» poetyki siedemnastowiecznego panegiryzmu // Studia z teorii i historii poezji. Wrocław, 1967. S. 148–184.

³⁹ Скобки в тексте

⁴⁰ На полях помета влосчастие турок